

Содержание

Введение	С. 2
1.1. Жизнь Петра I	С. 4
1.2. Историческая оценка правления Петра I	С. 5
1.2.1. Апологеты	
1.2.2. Обличители	С. 7
1.2.3. Объективисты	С. 8
2.1. Жизнь Екатерины II	С. 12
2.2. Историческая оценка правления Екатерины II	
2.2.1. Досоветская историография	С. 13
2.2.2. Советская историография	С. 14
2.2.3. Постсоветская историография	С. 15
3.1. Жизнь Павла I	С. 18
3.2. Историческая оценка правления Павла I	С. 19
3.2.1. Консервативная историография	С. 20
3.2.2. Либеральная историография	С. 23
3.2.3. Советская историография	С. 25
Заключение	С. 30
Список литературы	С. 33

Введение

Во второй половине XVIII в. в связи с вступлением крепостничества в полосу своего разложения и складыванием в его недрах капиталистических

отношений происходит значительное ускорение процесса формирования русской нации.

Актуальность темы определяется, именно тем, что в современных условиях, когда происходит процесс не только переосмысления прошлого нашей страны, но и поиска ее идентичности, особое значение приобретает анализ исторической литературы, освещающей личности и деятельность правителей XVIII века. Обращение к историографической традиции обогащает наше знание, помогает восстановить утраченную преемственность в развитии исторической мысли.

Цель: рассмотреть различные историографические концепции

Задачи:

- познакомиться с историографией по теме;
- сгруппировать мнения различных авторов по ведущим признакам;
- сделать концептуальное обобщение историографических источников.

В ходе решения поставленной задачи выяснилось, что все историографические источники по теме исследования можно сгруппировать по следующим признакам:

- по периодам;
- по историческому фону, на котором исследователи оценивают деятельность монархов;
- по отношению к личности и деятельности монарха;
- по идеологическим предпочтениям авторов.

В основу историографического обзора петровского периода был положен принцип оценивания личности и деятельности Петра, так как все монографии о нём можно разделить на хвалебные («апологеты»), критические («обличители») и нейтральные («объективисты»).

Также можно было использовать классификацию, основанную на историчности петровских преобразований. По этому признаку тоже выделялись три основных направления: одни историки рассматривают эту тему преимущественно в сравнении с предыдущим периодом русской

истории, чаще всего непосредственно предшествовавшим эпохе Петра (к. XVI – XVII вв.), другие сравнивают сложившуюся ситуацию с положением в Европе начала XVIII века, третьи же оценивают историческое значение деятельности Петра сквозь призму последующего развития России. Однако обе классификации оказались условными, так как одни и те же авторы попадали в обе классификации.

Историографический обзор периодов правления Екатерины II был построен по периодам: досоветский, советский и постсоветский. Причём наиболее объективной оказалась постсоветская историография, свободная от субъективизма и идеологических клише.

Правление Павла I по-разному оценивалось консерваторами, либералами и советскими историками-марксистами, поэтому в основу классификации историографических источников по этому периоду был положен идеологический признак.

1.1. Жизнь и деятельность Петра I

Русский царь с 1682 г. (правил с 1689 г.), первый российский император с 1721 г. Младший сын царя Алексея Михайловича Романова. Провел реформы государственного управления (созданы Сенат, коллегии, органы

высшего государственного контроля и политического сыска, церковь подчинена государству, проведено деление страны на губернии, построена новая столица – Санкт-Петербург).

Использовал опыт западноевропейских стран в развитии промышленности, торговли, культуры. Проводил политику меркантилизма (создание мануфактур, металлургических, горных и других заводов, верфей, пристаней, каналов). Возглавлял армию в Азовских походах 1695—1696 гг., Северной войне 1700—1721 гг., Прутском походе 1711 г., Персидском походе 1722-23 гг. и др.; командовал войсками при взятии Нотебурга (1702 г.), в сражениях при д. Лесная (1708 г.) и под Полтавой (1709 г.).

Руководил постройкой флота и созданием регулярной армии. Способствовал упрочению экономического и политического положения дворянства.

По инициативе Петра I открыты многие учебные заведения, Академия наук, принята гражданская азбука и т. д. Реформы Петра I проводились жестокими средствами, путем крайнего напряжения материальных и людских сил, угнетения народных масс (подушная подать и др.), что влекло за собой восстания (Стрелецкое 1698 г., Астраханское 1705—1706 гг., Булавинское 1707-1709 гг. и др.), беспощадно подавлявшиеся правительством.

Будучи создателем могущественного абсолютистского государства, добился признания западноевропейскими странами статуса России как великой державы.

1.2. Историческая оценка правления Петра I

Петр I относится к числу наиболее значимых фигур отечественной истории. Внимание к его личности и многообразной деятельности не ослабевает.

Многоплановость и противоречивость оценок личности и деятельности Петра I сохранились до сих пор. Можно выделить три основные группы мнений и оценок: «Панегиристы или апологеты» (панегирики Петру возникли еще при его жизни), «Обличители» (обличения Петра также появились при его жизни) и «Объективисты» (признающие заслуги в деятельности Петра, но показывающие, одновременно, многие недостатки его деяний).

1.2.1.Апологеты

Первым апологетом Петра был его сподвижник, канцлер Г.И. Головкин, который утверждал, что только благодаря первому российскому императору его подданные «из тьмы ничтожества и неведения вступили на театр славы и присоединились к образованным государствам европейским».[1] Такой взгляд надолго становится доминирующим в отечественной исторической литературе, посвященной Петру I.

В 1830 — 1840-е гг. фигура Петра становится предметом живого общественного интереса и сравнительно широкой дискуссии. Вместе с тем поклонение ему приобретает характер официального культа. В 1843 г. в Петербурге вышла из печати в четырех частях «История Петра Великого» Н. А. Полевого. Подчеркивая качественно иной — в сравнении с предшествующими попытками — коренной характер преобразований, совершенных Петром I, Полевой пытался совместить провиденциализм с историзмом в оценке деяний императора, декларируя задачу «раскрыть, как родилось, развилось и совершилось в нем сознание его великого предназначения». Однако в своей «Истории Петра» он практически игнорировал проблему становления царя-реформатора, уподобляя Петра мифическому герою, богоподобному существу.

К. Д. Кавелин в оформлении петровского государства увидел не только «освобождение от исключительно кровного быта», но и «начало самостоятельного действия личности» в России. Более того, никто иной, как сам царь-реформатор и воплотил собой эту прогрессивную тенденцию

развития страны. При этом Петр, в интерпретации Кавелина, действовал, «как воспитатель, врач, хирург, которых не обвиняют за крутые и насильственные меры». Чрезвычайно высоко оценивая личность Петра, С.М. Соловьев показал историческую обусловленность его реформ, хотя их единственным гарантом на страницах «Истории России...» оставался сам Петр. А широкое недовольство его политикой фактически объявлялось лишь выражением разнородных нужд частных лиц, которым не было никакого дела до государства и его интересов.

В целом же на страницах «Истории России...» Соловьева был представлен многогранный, подвижный и противоречивый образ царя-реформатора, умеющего использовать в своих целях благоприятные исторические условия и обстоятельства; представителя древнерусской «богатырской» традиции и царя-новатора, заложившего программу деятельности на много поколений вперед.

Однако в прославлении и возвышении Петра I едва ли не дальше авторов предшествующего столетия пошёл Н. А. Полевой. В «История Петра Великого» он говорит о необходимости постижения божественного замысла в отношении России, которой, по его словам, провидение приготовило «великое дело в истории человечества». Орудием провиденциальной воли и стал Петр. В таком контексте совершенно логичным было следующее умозаключение: «Указывать на ошибки его нельзя, ибо мы-не знаем: не кажется ли нам ошибкою то, что необходимо в будущем, для нас еще не наставшем, но что он уже провидел... зло ли то, что нам кажется злом?» Однако в своей «Истории Петра» он практически игнорировал проблему становления царя-реформатора, уподобляя Петра мифическому герою, богоподобному существу .

1.2.2.Обличители

Первым открыто усомнился в величии Петра П.Н. Милюков. Он утверждает, что сфера влияния Петра была весьма ограниченной, реформы

разрабатывались коллективно, а конечные цели преобразований осознавались царем лишь частично, да и то опосредованно его окружением.

Таким образом, Милюков, в ходе своего исследования обнаруживает длинный ряд «реформ без реформатора».

В свое время, точка зрения Милюкова привлекла большое внимание, однако распространенной она стала позднее, когда появились обобщающие труды М.Н. Покровского, в которых Петр предстает уже вовсе безвольным орудием капитала.

Вызов, брошенный Милюковым, был принят другими историками.

С.Ф. Платонов оценивал результаты деятельности Петра довольно скептически: «Он много сделал для достижения заветных помыслов Московской Руси, но не доделал всего. В политике внутренней Петр недалеко ушел от XVII века. Государственное устройство осталось прежним Земское самоуправление, не имевшее политического характера и имевшее характер сословный до Петра, осталось таким и при Петре. Над органами сословного управления, как и раньше, стояли учреждения бюрократические Деятельность Петра не была и общественным переворотом. Государственное положение сословий и их взаимные отношения не потерпели существенных изменений. Прикрепление сословий к государственным повинностям осталось во всей силе, изменился только порядок исполнения этих повинностей. В экономической политике Петра, в ее задачах и результатах также нельзя видеть переворота. Результаты, достигнутые Петром, не поставили народного хозяйства на новое основание. Главным источником народного богатства и при Петре остался земледельческий труд, и Россия, имея после Петра более 200 фабрик и заводов, была все-таки земледельческой страной, с очень слабым торговым и промышленным развитием. И в культурном отношении Петр не внес в русскую жизнь новых откровений. Царь Алексей — отчасти и царь Федор — вполне являлись уже представителями нового направления. Царь Петр в этом прямой их преемник. Так, Петр не был творцом культурного вопроса, но был

первым человеком, решившимся осуществить культурную реформу. Результаты его деятельности были велики: он дал своему народу полную возможность материального и духовного общения со всем цивилизованным миром. Но не следует, однако, преувеличивать эти результаты. При Петре образование коснулось только высших слоев общества и то слабо; народная же масса пока осталась при своем старом мировоззрении».

1.2.3. Объективисты

Но самую большую группу исследователей составляли «Объективисты».

Первым из лагеря «Панегиристов» к ним перешёл П. М. Карамзин. На исходе XVIII в. петровская политика европеизации России представлялась ему разумной и соответствовавшей задачам своего времени, крутые меры царя-реформатора — вполне обоснованными, попытки же найти в истории России какую-то альтернативу Петру вызывали недоумение и отпор. [7; с 416] Но ход Французской революции, развитие событий в Европе и в самой России стали оказывать влияние как на все мирозерцание Карамзина, так и на его отношение к деятельности Петра I. Соответственно и характеристика Петра как государственного деятеля распадалась у Карамзина на две части. Среди его достоинств историк призывал не забывать «почти важнейшее для самодержцев дарование: употреблять людей по их способностям...». Эту сторону деятельности Петра Великого Карамзин даже ставил в пример царствующему монарху. Другая часть карамзинской характеристики Петра была посвящена «вредной стороне его блестящего царствования» - политике европеизации, которая, как теперь выяснилось, «преступила в нем границы благоразумия». В результате, во-первых, произошел культурный раскол страны, чреватый серьезными социально-политическими последствиями, а во-вторых, «мы, с приобретением добродетелей человеческих, утратили гражданские». Карамзин в своих «Записках» упрекал Петра в том, что им была охлаждена в россиянах любовь к Отечеству: «...Мы стали гражданами

мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр».

Русский мыслитель XIX в. П.Я. Чаадаев писал: «Петр Великий недооценил свой народ, когда захотел натянуть западный мундир на эту, в сущности, космополитическую цивилизацию, являющуюся достоянием всех. Но грубый наставник сильного ребенка, Петр Великий тем не менее открыл воспитаннику высокие судьбы, которые сулили ему стремительное движение к Западу. Не отбрасывайте преимуществ, завоеванных этим движением; цена заплаченная вами за них, восполнена... Оставайтесь европейцами, продолжая быть русскими!»

В начале 1870-х гг. Н.И. Костомаровым была написана «Русская история в жизнеописаниях главнейших ее деятелей», в которой историк, признавая исключительность Петра как мирового явления, сумел актуализировать ряд острых вопросов относительно петровских преобразований. Историк не идеализировал Петра. Результатом петровских преобразований, согласно Костомарову, стало лишь «государство, грозное для чужеземцев войском и флотом», с «высшим классом», обладающим «наружными признаками европейского просвещения». И последствия не заставили себя ждать: поверхностный «европеизм» элиты, культурный раскол в обществе.

Большинство советских историков считало, что преобразования Петра I были естественным продолжением процессов XVII в. Хотя сами реформы оценивались исследователями положительно, постоянно подчеркивалась их тяжесть для народных масс, а мятежи и бунты трактовались как прогрессивное явление. Особое место в советской историографии занимает работа Б. И. Сыромятникова «Регулярное государство Петра I и его идеология». По мнению Сыромятникова, Петр I проводил политику в интересах крепнущей буржуазии и даже стремился ограничить крепостное право. Эти выводы не получили поддержки других историков.

Большинство исследователей остались верны тезису о продворянском характере политики Петра.

Н. И. Павленко, основываясь на законодательстве XVIII в., показал, что Петр не помогал, а напротив препятствовал развитию буржуазии, как класса (создавая, например, условия для перехода буржуа в дворянство). Поддерживая купцов, государь преследовал в основном фискальные цели: пополнить государственную казну. Н. И. Павленко подчеркивает в своей работе «Петр Первый», что в отличие от Западной Европы в России абсолютная монархия возводилась на старом, феодальном фундаменте, а политика Петра «была направлена на возвышение дворянства». «Реформы, - пишет он, - укрепили господствующее положение дворянства в феодальном обществе. Дворянское сословие стало более монолитным и образованным, повысилась его роль в армии и государственном аппарате, расширились права на труд крепостных крестьян. Классовая направленность преобразований не исключает их громадной общенациональной значимости. Они вывели Россию на путь ускоренного, экономического, политического и культурного развития» .

Вывод. Классификация историографических источников петровского периода по диаметрально противоположным оценкам как личности Петра I, так и его роли в истории России позволяет объединить авторов различных эпох. Историки XVIII века (В.Н.Татищев, П.И.Шафиров, И.И.Голиков и др.) видели в Петре идеального монарха в духе просвещенного абсолютизма. В официальной российской историографии Петра было принято считать одним из наиболее выдающихся государственных деятелей, определившим направление развития России в XVIII веке. Высокую оценку получила деятельность Петра в работах С.М.Соловьева, который называл Петра «величайшим историческим деятелем», наиболее полно воплотившим дух народа. Советские историки, оценивали Петра, как выдающегося государственного деятеля, указывая, однако на то, что строительство новой России сопровождалось усилением крепостничества и обострением классовой борьбы.

Вместе с тем, существует и другое направление историографии, в рамках которой деятельность Петра оценивается прямо с противоположных позиций. Начало этой традиции идет от работ М.М.Щербатова и Н.М.Карамзина, которые обвиняли Петра в «ужасах самовластия» и нарушении традиций. Оценивая Петра, А.И.Герцен писал: «цивилизатор с кнутом в руке, с кнутом же в руке преследующий всякое просвещение, охраняющий традиции, ломающий традиции...». Уничтожающая критика деяний Петра прозвучала со стороны П.Н.Милюкова, который отмечал, что Россия была возведена в ранг европейской державы «ценой разорения страны». И.Л. Солоневич отмечал, что петровская реформа разделила Русь на две части: первая - дворянство и вторая - все остальные». Современная историография видит сущность петровских преобразований в том, что они представляли собой классический пример радикальных реформ, проведенных государством сверху, без участия и скорее даже при сопротивлении широких слоев общества.

Тем не менее, временная отдалённость способствовала более объективной оценке деятельности Петра, зависевшей от политической конъюнктуры, складывавшейся независимо от воли царя как внутри страны, так и на международной арене. Так В.О.Ключевский, оценивая Петра I, отмечал, что «самая программа Петра была начертана людьми XVII в.», однако сами реформы Петра направлялись условиями его времени, до него не действовавшими, часто созданными им самим». Петровская программа преобразований, отмечал Ключевский, заключалась не в заветах, не в преданиях, а в государственных нуждах, неотложных и всем очевидных.

2.1. Жизнь Екатерины II

Российская императрица. По происхождению немецкая принцесса Софья Фредерика Августа Ангальт-Цербстская. В 1745 г. вышла замуж за великого князя Петра Федоровича, будущего императора Петра III, которого свергла с престола в 1762 г., опираясь на гвардию (Г. Г. и А. Г. Орловых и других).

При Екатерине II произошло значительное укрепление российского государства, проводимая ею политика получила название просвещенного абсолютизма. Провела реорганизацию Сената в 1763 г, секуляризацию земель (1763—1764 гг.), упразднила гетманство на Украине. Возглавляла Уложенную комиссию 1767—1769 гг. При ней усилилось угнетение крестьянства, в результате чего произошла Крестьянская война 1773—1775 гг под руководством Емельяна Пугачева. Издала Учреждение для управления губернией 1775 г., Жалованную грамоту дворянству 1785 г., которой окончательно оформила сословные привилегии дворян.

При Екатерине II в результате русско-турецких войн 1768—1774 гг., 1787—1791 гг. Россия окончательно закрепилась на Черном море, были присоединены Северное Причерноморье, Крым, Прикубанье. Приняла под российское подданство Восточную Грузию. В период правления Екатерины II осуществлены разделы Речи Посполитой (1772, 1793, 1795 гг.), по которым России отошли западно-украинские, белорусские и литовские земли. При ней выдвинулся ряд выдающихся военных и политических деятелей — А. В. Суворов, Ф. Ф. Ушаков, Г. А. Потемкин, П. Л. Румянцев.

Переписывалась с Вольтером и другими деятелями французского Просвещения. После начала Великой Французской революции активно боролась с ее влиянием, преследовала вольнодумство в России. Являлась автором многих беллетристических, драматургических, публицистических, научно-популярных сочинений, «Записок». 5 ноября 1796 г. в Петербурге, в Зимнем дворце у императрицы произошло кровоизлияние в мозг, по

терминологии XVIII века — „апоплексический удар” и 6 ноября Императрица скончалась.

2.2. Историческая оценка правления Екатерины II

2.2.1. Досоветская историография

Наиболее резкое и полное выражение взглядов порицателей Екатерины II содержится в известной записке «О повреждении нравов в России» князя М.М. Щербатова, служившего при дворе Екатерины II, историографа и публициста, человека образованного и патриота с твердыми убеждениями. Автор собрал в этом труде свои воспоминания, наблюдения и размышления о нравственной жизни высшего русского общества XVIII в., закончив нарисованную им мрачную картину словами: «...плачевное состояние, о коем токмо должно просить бога, чтоб лучшим царствованием сие зло истреблено было».

По мнению В.О. Ключевского, «Екатерина твердо верила в свою удачу. В отличие от всех успехов, чтобы оправдать свое воцарение и заслужить любовь подданных, для приобретения которой она, по ее признанию, ничем не пренебрегала».

Н.М. Карамзин о времени Екатерины II писал: «В самых государственных учреждениях Екатерины видим более блеска, нежели основательности: избиралось не лучшее по состоянию вещей, но красивейшее по формам. Таково было новое учреждение губерний, изящное на бумаге, но худо примененное к обстоятельствам России... Екатерина хотела умозрительного совершенства в законах, не думая о легчайшем, полезнейшем действии оных: дала нам суды, не образовав судей; дала правила без средств исполнения. Многие вредные следствия Петровой системы также яснее открылись при сей государыне».

Историк С.М. Соловьев писал о совпадении личных интересов государя и государства, характеризуя, таким образом, статус Екатерины II как единоличной правительницы. Русский царь не может не быть самодержцем,

поскольку размеры государства навязывают этот образ правления. Проникновение идей свободы в западноевропейском смысле в русское общество сделало необходимым, по мнению историка, определить понятие свободы в самодержавном государстве.

Историки, по-разному оценивая результаты деятельности Екатерины II, единодушно признают, что она занималась вопросами законотворчества, административными проблемами, большое внимание уделяла внешней политике и многими другими. «Внешняя политика, – резюмирует В.О. Ключевский, – самая блестящая сторона политической деятельности Екатерины. Когда хотят сказать самое лучшее, что можно сказать о ее царствовании, то говорят о ее внешних деяниях...».

2.2.2. Советская историография

В советской историографии Екатерина как символ крепостничества подлежала беспощадному порицанию. Для большинства работ советского времени характерен, во-первых, классовый подход и, во-вторых, рассмотрение екатерининских преобразований в рамках концепции «просвещенного абсолютизма». При этом превалирует достаточно негативная оценка. Со страниц многих работ императрица предстаёт как убеждённая крепостница, проводящая сугубо продворянскую политику, и если и заигрывающая с либеральными идеями, то лишь в первые годы царствования. Особое внимание советские историки уделяли крестьянству и его классовой борьбе, истории пугачёвщины, которая рассматривалась в свете концепции крестьянских войн, городским восстаниям, развитию торговли, мануфактуры, русского города, землевладению. В значительной мере именно с оценкой екатерининского периода русской истории непосредственно связаны прошедшие в советской историографии 1960-1980-х годов дискуссии о генезисе капитализма, абсолютизме, крестьянских войнах и городских восстаниях. Однако сосредоточенность на концепции «просвещенного абсолютизма», сугубо социологический подход с позиций классовой борьбы,

появление устойчивых историографических штампов типа «дворянская империя» практически исключили из научной тематики личность Екатерины II, её творчество, многие факты политической истории. Истоки негативной оценки Екатерины следует искать в трудах основоположника советской историографии М.Н. Покровского. В середине 30-х годов советские историки отказались от его исторической концепции, но предшествующее десятилетие Покровский был общепризнанным законодателем мод в исторической науке. Покойный историк и писатель Н.Я. Эйдедьман приводит слова одного из последователей Покровского Я.Л. Барскова, обнаруженные им в архиве последнего. Барсков так характеризовал Екатерину: «Ложь была главным оружием царицы, всю жизнь, с раннего детства до глубокой старости, она пользовалась этим орудием, владея им, как виртуоз, и обманывала родителей, любовников, подданных, иностранцев, современников и потомков». Хотя эти строки и не были опубликованы, они синтезируют существовавшую в литературе оценку Екатерины, в смягчённом виде сохранившуюся до самого последнего времени. Хотя на данный момент учёными доказано, что инициатива о разделе Польши исходила от Фридриха.

2.2.3. Постсоветская историография

С 1991 года меняются взгляды на политику Екатерины II. Многие историки пытаются преподнести нам новую Екатерину – просветительницу и законодательницу, блестящего политика и дипломата.

Так, О.Г. Чайковской в своей монографии «Императрица. Царствование Екатерины II» оправдывает многие реформы императрицы, ссылаясь на то, что правителя XVIII века нельзя оценить, не поняв, как он решал эту проблему. Н.И. Павленко в своей работе «Екатерина Великая» называет Екатерину II преемницей Петра I : «Пётр I стоял у истоков превращения России в великую державу, Екатерина II утвердила за Россией репутацию великой державы». Историк объясняет негативное отношение к ней уже современников. Во-первых, она была чистокровной немкой, и, видимо, национальная гордость не позволяла дать её царствованию объективную

оценку. Во-вторых, и это, пожалуй, ещё важнее, она не имела никаких прав на престол и узурпировала корону у собственного супруга. В-третьих, на её совести, если не прямо, то косвенно, лежит печать ответственности за смерть не только супруга, императора Петра III, но и законного претендента на престол Иоанна Антоновича. Наконец, нравственность императрицы не вызвала восторгов ни у современников, ни у историков. И всё же, отмечает историк, правление Екатерины, прежде всего, сопряжено с достоинствами и достижениями, позволяющими возвести её на ранг выдающихся государственных деятелей дореволюционной России, и поставить её имя рядом с именем Петра Великого.

Продворянскую политику Екатерины Н.И. Павленко объясняет её стремлением уберечь дворян от тлетворного влияния проникновения рыночных отношений в помещичью усадьбу, создать дворянам тепличные условия для приспособления этого хозяйства к нейтральным формам его ведения. Объективно эта политика консервировала старую модель хозяйственной деятельности помещика.

В.К. Калугин в своей работе «Романовы. Триста лет на российском престоле» также как Павленко Н.И. сравнивает Екатерину II с Пертом I. По его мнению, оба они являлись «государственниками», то есть монархами, признававшими огромную роль государства в жизни общества. Он аргументирует своё мнение тем, что Екатерина всерьёз была убеждена в том, что все несчастья России, куда Бог привёл её царствовать, происходили оттого, что страна пребывала в совершеннейшем беспорядке. И так же всерьёз верила, что эта ситуация исправима вполне: русские в поддающемся большинстве сообразительны и обучаемы, и просто не знают, что и как надо делать. А она, Екатерина, знает это прекрасно. И.А. Заичкин, в своём труде «Русская история от Екатерины II до Александра II» соглашается с мнением историка В. О. Ключевского по поводу того, что: «При Екатерине II когти правительства остались те же волчьи когти, но они стали гладить по

народной коже тыльной стороной, и добродушный народ подумал, что его гладить чадолюбивая мать»

М.Ш. Фанштейн в своей монографии «Вознесены на пьедестал» даёт положительную оценку губернской реформе Екатерины II. Усиление крепостного права в период её правления Фанштейн М.Ш. объясняет тем, что императрица встретила с сильным противодействием её придворного окружения и всего дворянства, благосостояние которых было построено на даровом труде, и была вынуждена уступить. Освобождены были только крестьяне, принадлежавшие духовенству, составившие особый разряд государственных крестьян, находившихся под управлением особой «Коллегии экономии». Учёные В.Н.Виноградов, С.В. Королёва, И.И. Лешиловская отмечают преемственность между внешней политикой Екатерины и Петра: Россия в силу своего геополитического положения и экономических интересов упорно пробивалась к Чёрному морю. Но Екатерина предпочитает другие методы: так она инициировала создание «буферного государства в Крыму», а на Балканах разрабатывает «Греческого проекта», в котором предполагалось образовать в Юго-Восточной Европе два государства – Греческое и Дакийское»

Н.А. Нарочницкая характеризует период второй половины XVIII в. следующим образом: «Превращение Руси в Россию произошло ко второй половине XVIII века, а ко второй половине следующего, XIX столетия, в основном сформировались те действующие силы в европейской политике, которые и в XX веке определяли ее внутренние пружины. Именно в этот период во всем своем исполинском масштабе встает так называемый Восточный вопрос, через призму которого проявляются все уровни и аспекты противоречий между ведущими субъектами мировой истории».

Вывод. Таким образом, досоветская и постсоветская историография наиболее объективно отражает образ и деятельность Екатерины. В 90-е годы XX в. меняется взгляд историков как на внешнюю политику Екатерины II, так и на многие другие сферы общественной жизни. В первую очередь это

связано с освобождением исторической науки, а следовательно, и историографии от идеологических рамок социалистической парадигмы. Учёные достаточно полноценно оценивают деятельность императрицы, руководствуясь в своих исследованиях рациональными суждениями, а также комплексным и всесторонним подходам и источниковой базе.

3.1. Жизнь Павла I

Родился 1 октября 1754 г. в Петербурге. Сын Петра III и Екатерины II. Воспитывался при дворе своей бабки — императрицы Елизаветы Петровны.

Ходили слухи, будто Елизавета рассчитывала передать корону внуку в обход нелюбимого наследника Петра. Она поручила заботу о воспитании мальчика сановнику Н. И. Панину, который сумел дать Павлу хорошее по тому времени образование. Будущий император выучил несколько языков, разбирался в музыке, математике, фортификации, военном и морском деле.

После восшествия на престол Екатерины II он получил официальный титул наследника. Однако переворот и смерть отца наложили на его характер роковой отпечаток. Павел стал скрытен, подозрителен, постоянно опасался покушений на свою жизнь. Во всём старался подражать покойному Петру III, так же, как и он, видел пример для подражания в прусском короле Фридрихе II Великом. Идеалом для Павла являлись прусская военная система и прусское полицейское государство.

Живя с 1783 г. в Гатчине, Павел устроил по прусскому образцу свой двор и небольшую армию. Он был дважды женат: с 1773 г. на принцессе Гессен-Дармштадтской Вильгельмине (в православии Наталья Алексеевна), а после её смерти — на принцессе Вюртембергской Софии Доротее (в православии Мария Фёдоровна). От последней Павел имел четырёх сыновей и шестерых дочерей; но семейная жизнь не смягчила его нрава.

После смерти Екатерины II Павел вступил на престол.

Он с самого начала противопоставил свою политику всему сделанному в долгое 34-летнее царствование матери. Неудивительно, что попытки нового

императора реформировать армию и государственный аппарат повлекли противодействие высшей администрации. Его стремление пресечь злоупотребления в армии вылилось в ряд репрессий против генералитета и среднего офицерства. Введение неудобной армейской формы по прусскому образцу вызвало ропот среди военнослужащих. Оскорблённое офицерство в массовом порядке подавало в отставку.

Идея ограничения крепостного права нашла отражение в Указе 1797 г. о введении трёхдневной барщины. Однако реально этот закон не действовал.

Важной чертой внешней политики Павла была борьба с Французской революцией. В России свирепствовала цензура, не разрешалось ввозить иностранные книги, закрывались частные типографии, вышло даже запрещение носить круглые «французские» шляпы. В коалиции с Пруссией и Австрией Россия вела войны против Франции, одержав победы в Италии и Швейцарии благодаря А. В. Суворову, а на Средиземном море — благодаря Ф. Ф. Ушакову. Однако в разгар антифранцузской кампании Павел разорвал отношения с союзниками и сделал ставку на альянс с Наполеоном I.

После провозглашения Бонапарта императором Франции Павел видел в нём единственную силу, способную обуздать революцию. Опрометчиво поступил Павел, присоединившись к экономической блокаде Англии, которую осуществляла Франция. Англия была крупнейшим покупателем русского зерна, чугуна, парусины, полотна и древесины на европейском рынке. Блокада больно ударила и по помещичьему хозяйству, и по крестьянским промыслам. В не меньшей степени подрывал отношения с Англией и готовившийся Павлом поход в Индию.

В ночь с 24 на 25 марта 1801 г. император был убит заговорщиками в своей новой резиденции — Михайловском замке в Петербурге.

3.2. Историческая оценка правления Павла I

Павел Петрович представляет для историков большой интерес, и является предметом многих споров. Одни искренне считают его самодуром,

другие – замечательным реформатором. Однозначно ответить на вопрос, кем же был император Павел I нельзя. Многие характеризуют период его правления, как рыцарское самовластие. На самом деле, он был человеком чести.

3.2.1. Консервативная историография

Уже в первые десятилетия XIX века в литературе складываются две совершенно противоположные точки зрения на личность императора и его правление.

Одна из них сформулирована в "Записке о древней и новой России" Н. М. Карамзина. В силу негативной оценки личности Павла I, его правление, под пером придворного историографа, превращается в хаос и гонения на все начинания матери, что оборачивается злом для империи, т.к. деспотические методы подрывали престиж самодержавной власти, а гонения на дворян лишали ее верной опоры. Поэтому, осуждая "вредный способ пресечения зла", Карамзин с симпатией пишет о "благородных россиянах", положивших конец "царству ужаса".

В совершенно ином ключе нарисован портрет царя в книге В. С. Кряжева "Жизнь Павла, императора и самодержца всероссийского" и в анонимном издании "Жизнь, свойства и политические деяния императора Павла I, князя Потемкина, канцлера А. Безбородко." Автор изображает Павла как идеального правителя, великодушного, стремящегося к законности и щедрости. Данная характеристика императора была закреплена в 40-е годы в статьях А. Вейдемейера и Н. А. Полевого, перешедшего к тому времени на охранительные позиции. Подхватывая трактовку личности монарха, они, в духе "теории официальной народности", провозглашают основным мотивом царствования неусыпное попечение о благе народа, которому дарованы большие милости.

В 50-е годы изучение павловской эпохи было затруднено свирепыми цензурными условиями в области исторического исследования, но не прекратилось совсем. Как и их предшественники, историки обращались к

личности и деяниям императора, изучая иные сюжеты, как, например, Д. А. Милютин в монографическом труде, посвященном истории войны 1799 года. Историк дает обобщенную характеристику политики Павла I в целом, выдвигая тезис о наличии у монарха продуманной программы государственной деятельности, которая оценивается в традициях официально-охранительной историографии, как направленная на заботу о народе.

В конце 60-х. начале 80-х г.г. намечается тенденция к дуалистической оценке политики Павла. Так, А. Романович-Славатинский, осуждая политику самодержавия, ущемлявшую права дворянства, не выделяет ее как нечто особое в истории России, находя общие черты в правлениях Павла и Николая I.

Объяснить этот дуализм попытался М. Яблочков в монографическом труде по истории русского дворянства. Связывая политику самодержавия в конце XVIII в. только с особенностями характера и жизни императора, историк объявляет основным мотивом деятельности Павла разрушение всех начинаний матери. Отсюда сокращение привилегий "первого сословия" и облегчение участи крестьян, что, по мнению автора, отнюдь не преследовало цель лишить дворянство его исключительного положения. Этот вывод подтверждается перечислением целого ряда мероприятий правительства, расширявших права и привилегии господствующего класса.

В силу сложившейся в 80-е г.г. XIX в. политической обстановки в стране консервативная историография отказывается от признания продуманности и системности царствования сына Екатерины, усиливаются отрицательные оценки его правления.

Свое дальнейшее развитие версия о бессистемности и непродуманности этого правления получила в книге Д. Кобеко о жизни цесаревича. Рассказ о великом князе строится так, что подводит читателя к выводу о вступлении на престол недоброжелателя Екатерины, в деятельности которого слышен лишь один мотив - ненависть ко всему, что связано с

именем матери. Вместе с тем, у Кобеко еще не исчезло некоторое сочувствие Павлу, которого уже нет в работах конца XIX - начала XX века, как например, в книге В. Петрушевского, где это время получает резко негативную оценку, а сам император признается сумасшедшим.

С. А. Корф. оценивал политику Павла I как открыто антидворянскую, ущемлявшую сознательно права и привилегии благородного сословия, результатом чего явилась гибель императора, которую Корф благословляет. В кризисных условиях наиболее актуальным для историков консервативного направления становится оправдание самодержавия как такового, укрепление его союза с дворянством. Поэтому, несмотря на крайнюю тенденциозность при использовании источников, выводы, сделанные Корфом, находят подтверждение в ряде работ, наибольшую известность среди которых получила книга А. Брикнера. Относясь с антипатией к "злополучному царствованию этого деспота", автор доказывает, что во всех бедах виновато не самодержавие, как форма правления, а сам Павел и его методы, приведшие к разрыву союза с дворянством. Пройдя сложный путь развития, дворянская историография в годы первой русской революции возвращается к оценке личности Павла I и его мероприятий, выдвинутой еще в начале XIX столетия Н. М. Карамзиным в "Записке о древней и новой России".

В годы спада революционной активности отношение официально - охранительной историографии к павловскому времени несколько смягчается. В работах В. Назаревского и Е. Шумигорского с Павла снимается персональная вина за трагический исход царствования и возлагается на обстоятельства и окружение, в котором оказался злополучный император. Сын Екатерины изображен глубоко несчастным человеком, а в его мероприятиях усматривается определенная логичность и конкретная цель - улучшение положения народа.

Таким образом, официально-охранительная историография, постепенно перенося интерес с личности Павла на изучение его деятельности, проходит путь от идеализации монарха в первой половине XIX в., через

усиливающуюся негативность характеристик его эпохи во второй половине столетия и резко отрицательную оценку мероприятий и самого царя в начале XX в. до признания в послереволюционные годы в его политике стремления облегчить положение народа.

3.2.2. Либеральная историография

Иными путем складывается оценка правления Павла I в либеральной историографии, которая также, как и консервативная вплоть до XX века не дала работ, специально посвященных этому периоду. Касаясь времени Павла I, Н. Беляев, В. Ключевский, В. Семеvский, В. Якушкин, авторы "Истории Уделов", А. Лаппо-Данилевский, уделявшие особое внимание изучению истории русского крестьянства, отмечали его как начало перехода самодержавия к заботе о нуждах народа. В. Ключевской по-новому подошел к личности императора и его деятельности, оценив последнюю как реакцию на просвещенный абсолютизм Екатерины, поставивший империю в труднейшие условия, как неудачную попытку решить задачи, вставшие перед Россией. Ключевской высказывает мнение, что это была заранее продуманная борьба с сословными привилегиями дворянства при внимательном отношении к нуждам народа. Но из-за неуравновешенного характера императора прекрасно задуманные идеи на деле вылились в расширение крепостного права и борьбу с лицами, а не с недостатками. Выводы В. Ключевского подтвердил в монографическом исследовании по истории крестьянства В. Семеvский. Подробно рассмотрев крестьянскую политику Павла I, историк отмечает, что император имел добрые намерения улучшить быт и положение крестьян, но на практике массовая раздача населенных земель, разрешение покупать их к заводам и фабрикам и т.д. привели к усилению крепостного права, ухудшению положения крестьянства.

В работе В. Якушкина и юбилейном издании "История Уделов" дана версия о начале перехода самодержавия к заботе о нуждах народа в правление Павла I. Проанализировав законодательство о землеустроительной политике царизма XVIII-XIX в.в., В. Якушкин характеризует последние годы

XVIII столетия как момент переключения внимания правительства с заботы о дворянском землевладении к заботе о крестьянском наделе. Авторы юбилейного сборника, оставляя в тени частновладельческие интересы царской семьи, как основные на первый план выдвигают мероприятия Павла и его приемников по улучшению материального положения бывших дворцовых крестьян.

Ещё дальше в своих выводах идет другой либеральный историк А. Лаппо-Данилевский, который считает, что в конце XVIII в. в значительной мере были выработаны регламентации отношений крестьян и помещиков.

Превращение Павла I в защитника народных интересов либеральными историками происходит в момент подъема революционного движения. Поэтому один из мрачных периодов в истории крепостного права представляется временем, когда оно получило от царской власти первые удары.

Разгул реакции после поражения революции 1905 г. способствует сближению позиций либеральной и консервативной историографии в оценке правления Павла I. Господствующим становится взгляд на это царствование как на внезапное вторжение в ход исторического развития страны. Основы его были заложены еще в книге А. Пыпина, посвященной изучению общественного движения при Александре I. Автор оценивает эпоху Павла I как время господства личного произвола, мелочного милитаризма, стремления подорвать или уничтожить все преобразования Екатерины.

Два направления смыкаются и накануне февральской революции в работах М. Ключкова. Ключков полагает, что в основу социальной политики Павла I была положена идея равновесия между сословиями и требование обязательной службы всех на пользу государству, что своими мероприятиями Павел "наносил удар отдельным лицам и дворянству в целом", что это был момент, когда "монархия, создавая сильный бюрократический механизм, откачнулась от дворянства и пыталась найти опору в общественных низах". Отсюда прокрестьянские настроения самого императора, отсюда начало

политики облегчения положения крестьян, приведшей затем к их полному освобождению.

С таких же позиций написана и статья о дворянском самоуправлении в царствование Павла I. Изучив переписку генерал-прокуроров, Ключков приходит к выводу, что законодательная инициатива в ограничении функций дворянского самоуправления исходила не от Павла: ограничение их компетенции связано с общим процессом бюрократизации и централизации государственного аппарата управления. В деятельности павловского правительства историк отмечает продуманность, системность и военную дисциплину. Сам император изображается как умный, великодушный человек с высокими принципами. Ключков с сочувствием относится к желанию Сената канонизировать Павла.

Итак, накануне падения самодержавия в историографии торжествует оценка последних лет XVIII в. как времени изменения в политике царизма от укрепления положения дворянства до наступления на права и привилегии господствующего класса, от усиления крепостного права до начала облегчения участи крестьян.

Но, противопоставляя царствование Павла I времени Екатерины II и ее внука, дореволюционная историография упустила из внимания вопрос о закономерности, своевременности и значимости павловских преобразований для решения наиболее актуальных задач, вставших перед самодержавием в конце XVIII в. Попытки объяснить повороты во внутренней политике только особенностью личности императора привели к преувеличению влияния характера Павла на деятельность его правительства, препятствовали раскрытию сложности и диалектичности взаимоотношений императора и дворянства.

3.2.3. Советская историография подошла к осмыслению этой бурной эпохи с позиций материалистической теории К. Маркса. В работах М. Покровского, брошюрах М. Брюлловой-Шакальской, Н. Фирсова, В. Самойлова время Павла вписывается в общий ход русской истории как

продолжение продворянской политики самодержавия. Рассматривая время царствования сына Екатерины как закономерный этап в развитии русского абсолютизма, Покровский доказывает, что политика павловского правительства преследовала те же цели, что и политика его матери и сыновей. Но в силу изменившихся условий (начавшееся разложение крепостного хозяйства и войны с буржуазной Францией) русский абсолютизм переходит к ужесточению методов правления, что наиболее наглядно и проявилось в царствование Павла I. Император оценивается как типичный представитель династии Романовых, личность и деяния которого оказали огромное влияние на Александра и Николая, в чьем правление историк находит общие черты с царствованием отца. Брошюры Н. Фирсова и М. Брюлловой-Шакальской открывают в советской историографии изучение крестьянских волнений в царствование Павла I. Оба автора выделяют как главную причину движения - усиление крепостного права, рост феодальных повинностей, а внешним поводом к выступлениям - воцарение нового государя. Отмечая широкий размах движения, исследователи подчеркивают его стихийность и неорганизованность, в отличие от войны под предводительством Е. Пугачева. При этом, как показано авторами, основным желанием крестьян была не ликвидация крепостного права, а переход в разряд казенных, государственных.

Однако, отойти до конца от сложившихся до революции стереотипов в оценке последнего пятилетия XVIII в. молодая советская историческая наука 20-30-х гг. еще не смогла, о чем свидетельствуют статьи А. Преснякова и Н. Троицкого, где деятельность Павла рассматривается как попытка поступать во всем наперекор матери, а сам император признается невменяемым. [40; с.60-70] В конце 50-60-е гг. были преодолены многие недостатки, свойственные в начале века историографии павловского времени.

Особая заслуга в этом принадлежит С. Б. Окуню, давшему подробную характеристику эпохи в своих статьях и работах. Автор подтверждает и углубляет вывод М. Покровского о продворянской направленности

царствования Павла I, подчеркивает, что сын продолжал и развивал политику матери, направленную на борьбу против революционной Франции, на укрепление позиций правящего в России класса и на беспощадное подавление всех антикрепостнических выступлений в стране. Незначительные элементы социальной демагогии, преобладание военных методов в управлении государством были только средствами для ее реализации. Но крестьянские движения вынудили самодержавие пойти на некоторые уступки. В целом политика Павла по отношению к крестьянству оценивается, как стремление правительства приспособить феодальное хозяйство к новым условиям, попытка за счет урегулирования взаимоотношений крестьян и помещиков исключить поводы для крестьянских выступлений. Стремлением предотвратить распространение революционных идей в русском обществе автор объясняет определенные отступления от Жалованной грамоты дворянству. Этим же вызваны, по мнению Окуня, попытка поставить под контроль все выборное самоуправление, разработка до мелочей этикета и централизация государственного аппарата. Но такие мероприятия, как открытие Вспомогательного банка для дворян, позволяют утверждать, что ни о какой антидворянской политике Павла I говорить нельзя. Эта оценка внутренней политики самодержавия в конце XVIII в. была воспринята советскими историками и нашла отражение в общих курсах по истории СССР. Продолжение Павлом екатерининских порядков, дальнейшее расширение крепостного права, с внесением в методы проведения соответствующих корректив, объясняется особенностями развития крепостного хозяйства в условиях складывания и укрепления капиталистических отношений. Авторы отмечают, что основой внутренней политики Павла I было стремление укрепить крепостную систему, но панический страх перед освободительным движением заставил императора распространить на всю страну прусско-полицейский казарменный режим, который коснулся и дворян. Павел обратился к практике Петра I и вернул дворянство на службу, заставил

офицеров заниматься муштрой и вахтпарадами. Запрет губернских собраний, подачи коллективных жалоб, введение губернатора в дворянское собрание оцениваются в этих изданиях как частичное нарушение Жалованной грамоты, как мероприятие, которое должно было вселить в дворян благоговение перед государством и установить железную дисциплину.

В 70-е гг. активизируется разработка отдельных вопросов, связанных с этим временем. В исследованиях Н. Рубинштейна и Е. Кореновой анализируются причины крестьянских волнений 1796 - 1798 гг., выявлены их характерные черты, определено место движения в классовой борьбе русского крестьянства. В качестве главной причины волнений рассматривается втягивание крепостного хозяйства в товарно-денежные отношения, вызывавшие усиление эксплуатации и обострение социальных противоречий в русской деревне. Статья П. Вагиной, диссертация В. Кривоногова и книга Л. Балагурова посвящены изучению положения приписных крестьян Урала и Карелии. Авторы приходят к выводу: экономическая потребность в реформе была так остра, что несмотря на временную победу в 1801 г. дворянам-реакционерам все же позже пришлось уступить.

В работе М. Белявского рассмотрена эволюция мелкого служилого сословия однодворцев (на примере однодворцев Черноземья) в одну из категорий казенного крестьянства. К концу XVIII в. эта эволюция была завершена. Автор не выделяет отношение павловского правительства к этой категории населения в отдельный специфический этап, рассматривая последние годы XVIII столетия как завершающий период в общем русле политики абсолютизма второй половины XVIII в., направленной на превращение полупривилегированной части бывших служилых засечных черт в практически бесправный разряд государственных крестьян.

Исследование Л. Горланова посвящено истории удельных крестьян. Политику павловского правительства в отношении крестьян, принадлежащих царской семье, автор оценивает, как попытку повысить доходность крестьянского хозяйства в условиях сохранения крепостного права путем

создания в удельной деревне образцового хозяйства, которая, как показывает автор, окончилась полным крахом. Об аналогичной попытке правительства только уже в государственной деревне говорит в своей обстоятельной монографии, посвященной положению государственных крестьян в XIX в., Н. Дружинин. Отмечая повышение оброчных и подушных повинностей в конце XVIII в., Н. Дружинин подчеркивает, что абсолютизм пытается найти другие, более действенные способы повышения доходности крестьянского хозяйства, что выражается в стремлении правительства воплотить на практике в государственной деревне идею "казенного попечительства", которая, как объясняет автор, была заимствована из практики крупного частновладельческого имения.

Но вне поля зрения оказалась сама личность императора, без понимания которой невозможно осмыслить мероприятия его царствования. Попытка создать полнокровный портрет монарха на фоне событий его эпохи, показать сложность взаимоотношений царя и его подданных, влияние внутренних и внешних обстоятельств на действия императора и представителей различных кругов русского общества предпринята в книгах Н. Я. Эйдельмана "Грань веков". На основе анализа связи практической деятельности императора не только с конкретно-исторической обстановкой, но и с воплощением в жизнь его теоретических идей сделан вывод о том, что сословная политика Павла I представляла собой попытку приспособления, укрепляемого правительством сословного деления общества к новым социально-экономическим и политическим условиям путем создания полицейского государства.

Вывод. Таким образом, деятельность Павла I в отечественной историографии рассматривалась через призму идеологических концепций, поэтому и либералы, и консерваторы в общих причинах видят разные следствия. Так, консерваторы обвиняли Павла I в антидворянской политике, либералы, наоборот, - в продворянской политике и укреплении крепостного права, но и те, и другие называют тому одну причину – отсутствие

продуманности и системности царствования из-за слепого желания ликвидировать все начинания Екатерины II. Советская историография, при всех её недостатках, дала более глубокий и объективный анализ правления Павла I, не противоречащего предшествующему правлению его матери.

Заключение

В отечественной историографии XVIII – XX веков монархи XVIII в. занимают большое место.

Петровский период в большинстве обзорных трудов рассматривается как начало новой эпохи в истории России. Однако сильные разногласия царят среди историков, пытающихся ответить на вопрос, в какой степени эпоха реформ означала кардинальный разрыв с прошлым, и отличалась ли новая Россия от старой качественно. По мере отдаления от петровского времени увеличивалось число сторонников концепции, согласно которой реформы являются закономерным результатом предшествовавшего развития страны.

Поэтому предпочтительней оказалась классификация историографических источников по оценочному признаку, то есть по степени оценивания петровских преобразований. Эта классификация позволила обобщить однородные мнения историков различных периодов.

Историография, посвящённая правлению Екатерины, практически никогда не была хвалебной. Уже современники, отдавая должное государственному мышлению императрицы, позволяли себе критиковать её политику в силу объективных и субъективных причин.

Большинство дореволюционных историков считали вторую половину XVIII в. «золотым веком» Российской империи и рассматривали это время как важный этап в развитии российской государственности и дальнейшей европеизации страны. В исторической литературе этот период русской истории также получил название «просвещенного абсолютизма». Так оценивали екатерининскую эпоху, например, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, А.С. Лаппо-Данилевский. Более критичную позицию занимали В.О. Ключевский, А.А. Кизиветтер, В.И. Семевский.

В исследованиях советских историков основное внимание уделялось продворянскому характеру политики правительства Екатерины II, усилению крепостного права и полицейских функций государства, сопротивлению крестьянства крепостнической политике самодержавия. Просвещенный абсолютизм Екатерины рассматривался как демагогия и лавирование в условиях разложения феодально-крепостнического строя.

Современный взгляд на екатерининскую эпоху освободился от «классового подхода» и стал более взвешенным, учитывающим характер эпохи. В частности, в работах А.Б. Каменского и Н.И. Павленко взгляд на этот период в истории России весьма близок к оценкам дореволюционных историков.

Личность и деятельность самой Екатерины II, правившей Россией 34 года, оценивалась современниками и потомками также различно, порой даже диаметрально противоположно. Если нравственный облик императрицы в целом укладывается в слова В.О. Ключевского: «Проходим молчалим отзвыи о нравственном характере Екатерины, которых нельзя читать без скорбного вздоха», то ее вклад во внутреннюю и внешнюю политику вызывает споры по настоящее время. По-разному, например, трактуется понятие «просвещенного абсолютизма». Некоторые историки предпочитают называть его «просвещенным деспотизмом», а Екатерину – «просвещенным деспотом», и вообще ставится вопрос: применимо ли понятие «просвещенного абсолютизма» к правлению Екатерины?

Не менее противоречивой выглядит историография правления Павла I. Большинство дореволюционных историков определяли этот период как «царство страха», когда борьба с сословными привилегиями привела к резкому ограничению элементарных человеческих прав, а порядок и дисциплина зависели от каприза самодержца. Политику Павла характеризовали как желание все делать наперекор Екатерине. Ряд историков даже считали Павла Петровича сумасшедшим (С.Ф. Платонов, М.К. Любавский и др.). Хотя высказывался и прямо противоположный взгляд. Д.А.

Милютин отмечал значение военных реформ Павла в наведении порядка в управлении армией.

М.В. Ключков рисовал облик Павла как благородного рыцаря, защитника простого народа, которого невзлюбило дворянство. Некоторый романтический флер личности Павла придавало его увлечение средневековым рыцарством, а также прямые аналогии между ним и шекспировским Гамлетом («русский Гамлет» – это о нем).

Советская историография, отмечая эксцентричность в поведении Павла, отвергая дореволюционную точку зрения на широкий характер репрессий в отношении дворянства, в целом считала правительственную политику того времени продолжением прежней, продворянской и крепостнической, хотя и несколькими иными средствами (С.Б. Окунь). Н.Я. Эйдельман называл политику Павла «непросвещенным абсолютизмом». Ряд современных историков (Е.В. Анисимов, Е.В. Каменский) политику Павла рассматривают как противоречивую, а самого императора – как одну из самых загадочных фигур русской истории. Появились и явно апологические работы, например, Г.Л. Оболенского.

Тем не менее, при всём многообразии оценок, отсутствии целостного исследования этой эпохи, историки рассматривают правление монархов как логическое продолжение политики предшествующего царствования.

Список литературы

1. Ключевский В.О. Сочинения : В 9 т. / Под ред. В.Л. Янина.- М.: Мысль, 1989.- Т. 4 : Курс русской истории, ч. 4.- 398,1 с.
2. Полевой П А. История Петра Великого. Ч. 1 - 4. СПб., 1843//
<http://cheloveknauka.com/petr-i-v-otechestvennoy-istoriografii-kontsa-xviii-nachala-xx-vv#ixzz4Zix0bOc4>
3. Кавелин К.Д .Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989.
4. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15 кн. Кн. 1. М., 1959.
5. Полевой П А. История Петра Великого. Ч. 1 - 4. СПб., 1843
<http://cheloveknauka.com/petr-i-v-otechestvennoy-istoriografii-kontsa-xviii-nachala-xx-vv#ixzz4Zix0bOc4>
6. С.Ф.Платонов. Пётр Великий. Личность и деятельность.
http://dugward.ru/library/platonov/platonov_petr_velikiy.html
7. Карамзин П. М. Письма русского путешественника // Избранные соч. в 2 т. Том 1. М.-Л., 1964.
8. П.Я.Чаадаев. Философские письма.
<http://www.yabloko.ru/Themes/History/Chaadaev1.html>
9. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей. М., 1992 <http://cheloveknauka.com/petr-i-v-otechestvennoy-istoriografii-kontsa-xviii-nachala-xx-vv#ixzz4ZjF7s2uF>
10. Сыромятников Б.И. «Регулярное государство Петра I и его идеология» nasledie.enip.ras.ru/ras/view/publication/general.

11. Павленко Н.И. Петр Первый. - М.,
1976. www.alleng.ru/d/hist/hist053.htm
12. Щербатова М.М. «О повреждении нравов в России»
<http://bibliotekar.ru/rus/91.htm>
13. Ключевский В.О. ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II
<http://www.magister.msk.ru/library/history/kluchev/kluch001.htm>
14. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом
и гражданском отношениях // Ретроспективная и сравнительная
политология. Публикации и исследование. Вып. I. М., 1991.
<http://ricolor.org/history/mn/pv/5/>
15. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. – М.: РГГУ, 2001. – С. 320-321.
16. Заичкин И.А. Русская история от Екатерины Великой до Александра
II. - М.: Мысль, 1994.- 765 с.
17. Чайковская О. Императрица. Царствование Екатерины II.-М.: Олимп;
Смоленск: Русич, 1998.- 512 с.
18. Павленко Н.И. Екатерина Вторая.- М.: Мол. Гвардия, 1999.- 415 с.
19. Калугин В.К. Романовы. Триста лет на российском престоле.- СПб.:
Культ-информ пресс, 2005.- 608 с.
20. Заичкин И. А. Русская история от Екатерины II до Александра II .-
М.: Мысль, 1994.- С. 21
21. Фанштейн М. III. Вознесены на пьедестал.- М.: Панорама, 1992.
22. Виноградов В. Н. Век Екатерины II. Дела балканские.- М.: Наука,
2000.- С. 5.
23. Кряжев В.С. Жизнь Павла императора и самодержца всероссийского.
М., 1805 <http://ricolor.org/history/mn/pv/5/>
24. Вейдемейер А. Двор и замечательные люди в России во второй
половине XVIII столетия. Спб., 1846
25. Романович-Славатинский А. Дворянство от начала XVIII в до отмены
крепостного права. Спб., 1854

26. Яблочков М. История дворянского сословия в России. М., 1876
27. Кобеко Д.Ф. Цесаревич Павел Петрович. Спб., 1887
28. Петрушевский В. Генералиссимус князь Суворов. Спб., 1900
29. Барон С.А. Корф Дворянство и его сословное управление за столетие 1762-1855 Спб., 1906
30. Брикнер А. Смерть Павла I. Спб., 1907
31. Ключевский В.О. Новая русская история. Спб., 1883-1884 Краткое пособие по русской истории. М., 1967
32. Семевский В. Положение крестьянства в царствование Екатерины II. Спб., 1864 т.1,2
33. Якушкин В. Очерки по истории русской поземельной политике ХУІІІ-ХІХ вв. М., 1890
34. Лаппо-Данилевский А. Крестьянский строй. Спб., 1905 т.1
35. Пыпин А. Общественное движение при Александре I. Спб., 1871
36. Ключков М. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916
37. Покровский М. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1921 ч.1-2
38. Пресняков А. Исторический журнал, 1937, N2
39. Окунь С.Б. Очерки истории СССР конец ХУІІІ - первая черверть ХІХ в. Л., 1954
40. Коренева Е. Крестьянские волнения 1797-1798 г.г. Диссертация на соискание степени кандидат исторических наук. М., 1964
41. Балагуров Л. Приписные крестьяне Карелии ХУІІІ-ХІХ вв Петрозаводск, 1962
42. Белявский М.Т. Одинодворцы Черноземья. /По наказам в Уложенную комиссию/. М., 1986
43. Белявский М.Т. Одинодворцы Черноземья. /По наказам в Уложенную комиссию/. М., 1986
44. Дружинин М.Н. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1961

45.Н. Я. Эйдельмана "Грань веков" // <http://www.ereading.club/book.php?book=66970>.